

Новые тексты

VR: Работа является продуктом годовой стажировки в Германии. Ее результаты автор доложил на семинаре по социологии рынков на факультете социологии ГУ–ВШЭ. Статья также готовится к публикации в журнале «Мир России» (2003. № 4).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Часть 1

Яковлев Андрей Александрович

Государственный университет – Высшая школа экономики

E-mail: matesha@hse.ru

Логика данной статьи основывается на тезисе о том, что ключевыми для сегодняшней экономической политики России являются ответы на вопросы, *кто* может поддержать реформы и способен обеспечить устойчивый экономический рост, а также *как*, с помощью каких механизмов можно консолидировать и мотивировать эти социальные группы. На основе критического анализа широкого спектра предшествующих исследований показано, что экономические и социально-политические деформации, накопленные в советский период, в значительной мере предопределили характер трансформации элит и выбор траектории реформ в 1990-е гг. Кризис 1998 г. оказал отрезвляющее влияние на элиту и на определенное время создал предпосылки для развития и экономического роста. Однако воспроизводство неконкурентных структур, типичных для сочетания «несовершенный рынок – слабое государство» и гасящих стимулы к инновациям, будет и впредь тормозить социально-экономическое развитие. При этом наблюдаемая в последнее время тенденция к все большей централизации в экономической и политической жизни, скорее всего, будет способствовать не экономическому росту, а укреплению и укоренению подобных неконкурентных структур.

Тем не менее, в силу различий в уровне эффективности и в доступе к ресурсам как на стороне бизнеса, так и на стороне государства есть игроки, обладающие потенциалом инноваций и при определенных условиях способные эффективно использовать этот потенциал для развития. Задействовать этот потенциал и консолидировать интересы соответствующих игроков можно с помощью нестандартного набора инструментов и механизмов, поддерживающих инновации в неконкурентной экономической и политической среде. Такой подход, однако, требует смены акцентов в экономической политике, отказа от устоявшихся стереотипов и готовности к институциональным инновациям.

¹ Данная статья написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного фондом Александра фон Гумбольдта в рамках Программы стипендий федерального канцлера ФРГ в 2002–2003 гг. Автор признателен Центру исследований Восточной Европы (Бремен) за содействие в реализации данного проекта. Многие идеи статьи были сформулированы в плодотворных дискуссиях с Е. Кузнецовым, которому автор выражает свою признательность. Автор благодарен за замечания и комментарии к предшествующим версиям статьи, высказанные Я. Паппэ, Х. Пляйнсом, О. Шкаратаном, В. Гимпельсоном и Х. Шредером, а также участниками научного семинара Центра исследований Восточной Европы (Бремен) и участниками международной научной конференции ГУ–ВШЭ «Модернизация экономики России: социальный контекст».

Введение

Заканчивается первый срок пребывания у власти президента России В.В. Путина. Мало у кого есть сомнения в том, что он будет переизбран на второй срок. Вместе с тем предстоящие выборы – это хороший повод для подведения промежуточных итогов экономического развития за прошедшее четырехлетие.

С 1999 г. в стране однозначно произошли существенные позитивные сдвиги, особенно заметные на фоне кризисных 1990-х гг. Значительный рост ВВП и стабильный профицит бюджета, погашение задолженности по социальным обязательствам и рост реальных доходов населения, регулярные выплаты по внешнему долгу – все это признаки относительной устойчивости экономической ситуации, характерные для последних лет. Однако, по признанию многих экспертов, эти успехи скорее могут рассматриваться как результат девальвации 1998 г. и очень благоприятной для России нефтяной конъюнктуры, нежели как следствие осмысленных и целенаправленных усилий правительства. При этом в течение последних лет сохранялось и даже усиливалось доминирование сырьевых отраслей в ВВП и особенно в структуре экспорта с неизбежной высокой зависимостью экономики от цен на нефть на мировом рынке. В итоге уже в конце 2001 г. постепенное ослабление эффекта девальвации, а также временное резкое падение цен на нефть привели к существенному замедлению темпов экономического роста². На эти негативные тенденции стало накладываться общее ощущение «пробуксовывания» институциональных реформ и надвигающейся стагнации³.

В этих условиях предпринятая со стороны правительства весной 2002 г. попытка заложить упавшие темпы роста ВВП в среднесрочный прогноз экономического развития вызвала публичную критику со стороны президентской администрации и лично В.В. Путина, а также породила новую волну дискуссий среди экспертов-экономистов о перспективах развития российской экономики⁴. Сам по себе факт подобных дискуссий, свидетельствующих о достаточно трезвой оценке происходящего в экспертном сообществе, можно считать позитивным сдвигом – накануне девальвации и дефолта 1998 г. ничего подобного не было и в помине. Своеобразной реакцией на эти дискуссии стали выдвинутые в послании президента Федеральному собранию в мае 2003 г. тезисы о необходимости удвоения ВВП в течение 10 лет и о ставке на проведение административной реформы, а также ориентация на «диверсификацию экономики», декларированная в новой среднесрочной программе правительства.

Вместе с тем, на наш взгляд, проблемой как для экспертных дискуссий конца 2002 – начала 2003 г., так и для новых правительственных документов является концентрация внимания на обсуждении *старых* вопросов о том, какие именно реформы нужны России. Между тем, по нашему мнению, эта тема уже исчерпала себя – практически все возможные рецепты уже

² По данным Госкомстата РФ, в первом полугодии 2003 г. темпы роста промышленного производства вновь возросли до 6,8% (по сравнению с первым полугодием 2002 г.). Это, однако, не снимает обсуждаемые проблемы, а лишь отодвигает их на некоторое время, так как стабильные источники экономического роста по-прежнему отсутствуют.

³ Отражением этого можно считать ухудшение ожиданий населения в отношении перспектив экономического развития – более подробно см. изменение «индекса социальных настроений» ВЦИОМ и динамику его отдельных компонентов с весны 2002 г.

⁴ См. доклад Экспертного института «Бремя государства», доклад Е.Т. Гайдара на заседании Ученого совета ИЭПП в феврале 2003 г., доклад ГУ–ВШЭ «Россия: формирование институтов новой экономики» и т.д.

сформулированы⁵. Опыт правления В.В. Путина убедительно свидетельствует о том, что нужны ответы не только на вопрос, *что* делать, но также на вопросы, *кто* может поддержать и будет проводить в жизнь предлагаемые реформы, а также *как* они могут быть реализованы. Первый из этих вопросов является центральным для нас в данной работе.

Статья включает в себя два раздела. Первый раздел посвящен анализу основных результатов предшествующих исследований – с выделением вопросов, оставшихся без ответа, и тенденций, не получивших, на наш взгляд, должного объяснения. Во втором разделе обсуждается эволюция интересов влиятельных социальных групп в пореформенный период, показано позитивное влияние кризиса 1998 г. на мотивацию экономических агентов и дается объяснение последующей утраты стимулов к развитию у ключевых игроков. На этой основе в заключении выделены те группы, которые в сегодняшних условиях могут поддержать политику реформ, направленных на внедрение институтов и механизмов конкуренции в экономической и политической сфере, а также сформулированы некоторые подходы к тому, как можно позитивно воздействовать на их мотивацию.

1. Кому нужны реформы: методы анализа и текущее состояние исследований

Необходимо отметить, что данная тема не является новой как для российских, так и для зарубежных исследователей. Анализ социальной базы реформ – это междисциплинарная проблема, в решение которой одновременно вовлечены экономисты, политологи и социологи.

В исследованиях социальной базы реформ нам представляются важными два достаточно крупных направления. В рамках первого анализируются действия и влияние на политику тех социальных групп, которые реально выигрывают или проигрывают в результате реформ. Причем здесь есть место как для политэкономических теоретических построений, так и для вполне эмпирических социологических исследований. Второе направление в большей степени обсуждает вопросы о том, кто на практике управляет процессом преобразований, как меняется состав высших социальных слоев в процессе перехода к рынку. Подобные исследования элит, как правило, ведутся на стыке политологии и социологии.

В следующих двух параграфах мы по возможности кратко охарактеризуем основные результаты по каждому из этих направлений в 1990-е гг., затем в заключительном параграфе данного раздела обсудим тенденции последних лет, выделенные в российской и зарубежной литературе.

1.1. Выигравшие и проигравшие

Задача определения выигравших и проигравших в процессе реформ ставилась во многих социологических исследованиях⁶. Соответствующие оценки при этом строились как на анализе ответов респондентов на прямо поставленный вопрос об их выигрышах и проигрышах, так и на рассмотрении комплекса ответов на косвенные вопросы, характеризующие изменения в уровне жизни респондентов, в их отношении к политике и т.д. В ряде случаев можно говорить даже о достаточно длинных временных рядах, посвященных данной теме. Однако при всей значимости эмпирических данных, на наш взгляд, для

⁵ Так, весьма характерны фразы из заключительной части программной статьи Е.Г. Ясина: «Большая часть предлагаемых мер не нова. Они выдвигались на разных этапах рыночной трансформации, но по тем или иным причинам остались нереализованными». Ясин Е.Г. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // Вопросы экономики. 2002. № 11.

⁶ См. проекты ВЦИОМ, РНИСиПН и других исследовательских центров.

понимания происходящих процессов более важными являются те модели, на которых в разные периоды строились объяснения социальных взаимодействий в переходной экономике и которые подчас существенно влияли на политику реформ.

Одной из наиболее распространенных в политологической литературе долгое время являлась модель так называемой J-кривой⁷. Согласно этой модели (см. рис. 1), выигрыш от реформ, выраженный в низкой инфляции, большей эффективности и конкурентоспособности предприятий и т.д., оказывается отложенным во времени и рассредоточенным в пространстве. От обеспечения макроэкономической стабильности и большей эффективности экономики выигрывают все члены общества – поэтому сложно выделить тех, кто в наибольшей степени был бы заинтересован в результатах реформ. При этом сам позитивный эффект реформ становится ощутим только после преодоления трансформационного спада. Напротив, проигрыш оказывается сконцентрирован на определенных социальных группах (работники бывших государственных предприятий, чиновники из старого партийного и хозяйственного аппарата, пенсионеры, безработные) и совпадает по времени с самими реформами.

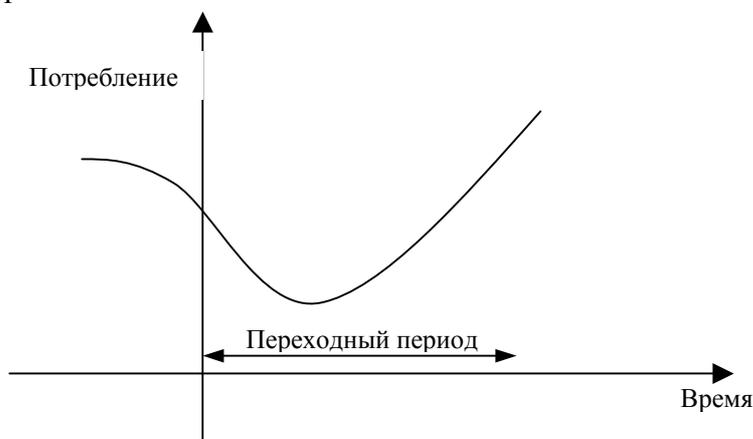

Рис. 1. Характеристики J-кривой

Модель J-кривой основана на предположении, что в условиях демократии социальные группы, проигрывающие от предстоящих реформ, могут воспрепятствовать их проведению и способствовать отстранению от власти правительства реформаторов. Поэтому считалось, что радикальные реформы на практике могут быть проведены лишь «автономным» правительством, не зависящим от своих избирателей в краткосрочном периоде и опирающимся на поддержку международных финансовых организаций. При этом в силу неизбежной ограниченности подобной «автономии» во времени ключевые реформы должны быть реализованы в максимально короткие сроки – чтобы обеспечить необратимость процесса при возможной последующей смене правительства. Эта концепция существенно повлияла на политику «шоковой терапии», проводившуюся во многих странах с переходной экономикой в начале 1990-х гг.

Однако фактическое развитие существенно отличалось от предсказаний данной модели. Как было показано в известной статье Джозела Хелмана⁸, экономические реформы наиболее успешно продвигались в тех странах, где правительства сильнее зависели от избирателей. Напротив, для стран с «автономными» правительствами были характерны либо отсутствие реальных реформ, либо непоследовательные, «частичные» реформы. При этом именно в случае «частичных» реформ наблюдались высокие издержки преобразований (выраженные в ускоренном падении ВВП, снижении уровня жизни и социальном расслоении) – при отсутствии ожидавшихся позитивных результатов, способных стимулировать

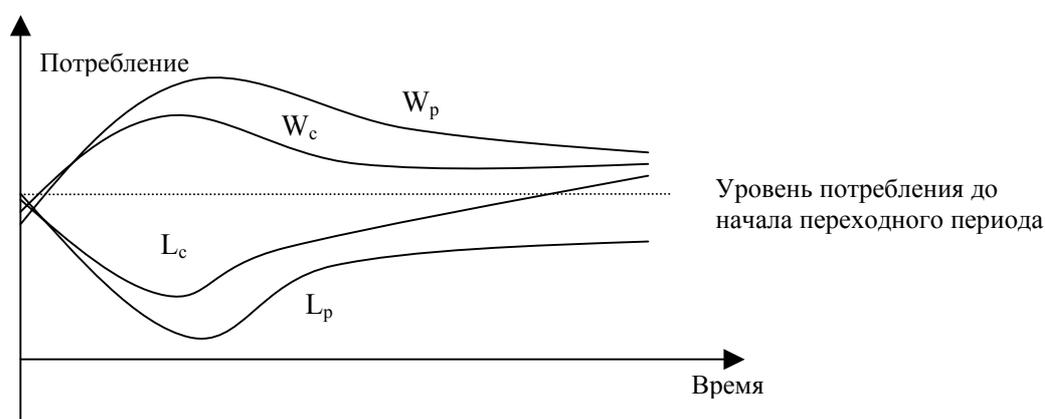
⁷ См.: [Williamson 1994, Nelson 1990] и другие работы.

⁸ См.: [Hellman 1998].

экономическую активность. Экономике ряда стран как бы застывали в состоянии «частичных», незавершенных реформ, и даже в странах, где реформы не проводились вообще, ситуация оказывалась относительно лучше.

Данный феномен Дж. Хелман попытался объяснить с помощью модели «частичных реформ». Согласно предложенной им логике, реформы в краткосрочном периоде могут обеспечивать не только проигрыши, но и выигрыши для определенных социальных групп. Несовпадение во времени эффектов от реализации различных реформ на начальной стадии их проведения и особенно непоследовательность в их проведении может усиливать структурные деформации, характерные для плановой экономики. В результате для ряда социальных групп (таких, как менеджеры старых госпредприятий, а также руководители новых коммерческих банков, торговых компаний и т.д.) возникает возможность проведения эффективных арбитражных операций между регулируемым и рыночным секторами экономики.

Чем выше уровень диспропорций (тесно связанный с непоследовательностью и отсутствием комплексности в проведении реформ), тем большую прибыль могут извлечь влиятельные социальные группы от подобных арбитражных операций. Соответственно, тем большими ресурсами они будут располагать для того, чтобы в дальнейшем препятствовать завершению реформ, сохраняя источники своей ренты. В результате мы можем наблюдать эффект «ловушки» частичных реформ⁹ (см. рис. 2).

- W_p – кривая «победителей» в условиях частичных реформ;
- W_c – кривая «победителей» в условиях комплексных, всеобщих реформ;
- L_c – кривая «проигравших» в условиях комплексных, всеобщих реформ;
- L_p – кривая «проигравших» в условиях частичных реформ.

Рис. 2. Выигрыши «победителей» и потери «проигравших» в условиях частичных и комплексных, всеобщих реформ

Основной вывод Дж. Хелмана сводится к тому, что проблемой является не столько обособление правительства реформаторов от влияния «проигрывающих» социальных групп, сколько ограничение воздействия на него со стороны влиятельных «выигравших» групп, стремящихся к сохранению источников получаемой ими ренты. В качестве одного из главных средств решения этой проблемы Дж. Хелман называет развитие политической демократии, обеспечивающей учет мнения «проигравших» и сдерживающей давление «выигравших» социальных групп.

Логическим продолжением данной статьи Хелмана стал доклад о феномене приватизации или «захвата» государства [state capture], представленный на конференции Всемирного банка по

⁹ В российской литературе проблема «институциональных ловушек» весьма подробно рассмотрена в работе: [Полтерович 1998].

экономике развития в апреле 2000 г.¹⁰ Под термином *state capture* авторами доклада понимается возможность для фирм влиять на формирование базовых правил игры, выраженных в законах, указах, постановлениях, посредством неформальных платежей чиновникам или политикам. В докладе на основе проведенного в 1999 г. обследования 3000 предприятий в 20 странах с переходной экономикой были показаны масштабы «захвата государства», негативное влияние данного феномена на экономическое развитие, а также его тесная связь с «частичными» реформами.

В целом Дж. Хелман в своих работах весьма наглядно показывает зависимость реформаторов от окружающей экономической и политической среды и тем самым убедительно критикует концепцию «автономного правительства», которая выступала важной предпосылкой реализации политики, основанной на принципах «вашингтонского консенсуса». Можно отметить, что весьма подробный критический анализ этой концепции на российских данных был проведен С. Афонцевым¹¹. Один из выводов его работы: необходимость выбора наиболее экономически эффективного из числа политически приемлемых вариантов проведения реформ – в отличие от ориентации на «экономически идеальный» курс преобразований.

Этого реализма, на наш взгляд, недостает Дж. Хелману при формулировании политических рекомендаций. Так, развитие демократии предлагается им как одно из главных средств преодоления зависимости от влиятельных групп, выигрывающих от проведения «частичных» реформ. При всех различиях с моделью J-кривой, из аргументации Дж. Хелмана также вытекает целесообразность ускоренного и комплексного проведения реформ – так как в этом случае меньшим оказывается масштаб стартовых диспропорций и они быстрее могут быть устранены. За кадром, однако, остается вопрос о том, почему одни страны выбирают более комплексную и последовательную программу реформ, а другие изначально реализуют лишь частичные реформы (давление «выигравших» социальных групп может объяснить увязание в ловушке частичных реформ, но не попадание в нее). Кроме того, не ясно, кто и почему будет поддерживать развитие политической демократии и добиваться согласованности в проведении реформ в условиях уже состоявшейся приватизации государства.

Еще одна модель, объясняющая различия в результатах, которые были достигнуты в разных странах с переходной экономикой, была предложена Тимоти Фраем¹². Отличие этой модели заключается в том, что в качестве зависимой переменной в ней рассматриваются не ход и интенсивность реформ, а изменения ВВП, представляющие собой конечный результат реформаторской активности.

Ключевой вывод Т. Фрая: на экономическое развитие существенное влияние оказывает степень *поляризации* политической элиты. Под поляризацией при этом понимается острое противостояние антикоммунистов и экс-коммунистов¹³, которое не позволяет каждой из фракций в момент нахождения ее у власти в полной мере переложить издержки трансформации на своих противников и тем самым полноценно реализовать свою версию реформ на практике. Это само по себе оказывает негативное воздействие на экономическую среду. Одновременно поляризация порождает систематические ожидания смены правительства и политического курса, включая вероятный пересмотр новым правительством решений,

¹⁰ См.: [Hellman, Jones & Kaufman 2000; Hellman, Jones, Kaufman & Schankerman 2000].

¹¹ См.: [Афонцев 2000а].

¹² См.: [Frue 2002а].

¹³ Степень поляризации измеряется Т. Фраем по доле экс-коммунистических партий в парламенте в период нахождения у власти антикоммунистического правительства, и наоборот.

принятых его политическими оппонентами и предшественниками в отношении распределения прав собственности. Тем самым поляризация подрывает доверие к проводимой политике и возникающим институтам, а также резко ограничивает горизонт бизнес-проектов с приемлемыми рисками.

Данный подход в целом дополняет модель Хелмана, предлагая политическую поляризацию в качестве одной из причин попадания конкретной страны в плохое равновесие «частичных реформ». Кроме того, эта модель объясняет особенности политического бизнес-цикла в переходных экономиках, когда в отличие от большинства демократических стран темпы экономического роста перед выборами здесь снижаются¹⁴. Вместе с тем, модель Т. Фрая оставляет открытым вопрос о том, почему политическая поляризация имеет место в одних странах, но не наблюдается в других, а также вопрос о путях преодоления такой поляризации.

1.2. Трансформация элит

Повышенное внимание (особенно в первой половине 1990-х гг.) к проблеме, обозначенной в названии данного параграфа, было обусловлено тем обстоятельством, что именно элиты выступают строителями новых институтов. Анализ структуры и состава элит был посвящен целый ряд эмпирических проектов, результаты которых были представлены на конференциях в Праге, Варшаве, Кембридже в 1993–1996 гг.

В рамках достаточно широкого спектра исследований, проведенных в тот период, можно выделить два подхода к анализу эволюции элит в странах с переходной экономикой. Первый из них рассматривает процессы трансформации элит в терминах их «воспроизводства» или «циркуляции»¹⁵. При этом под «воспроизводством» понимается тесная взаимосвязь и преемственность между старой коммунистической элитой и новым «правящим классом». Напротив, модель «циркуляции» элит предполагает существенные социальные сдвиги и появление на вершине социальной иерархии новых людей с новыми базовыми ценностями¹⁶.

Согласно результатам широкого сравнительного исследования национальных элит, проведенного в 1990–1994 гг. в шести странах и охватывавшего в каждой из стран около 7 тыс. респондентов¹⁷, в России наблюдалась существенная преемственность элит – 51% представителей элитных групп 1993 г. уже занимали номенклатурные позиции в конце 1980-х гг. Напротив, в Польше и Венгрии доля представителей номенклатуры была ниже – соответственно, 41 и 33%. При более детальном рассмотрении политической элиты доля

¹⁴ По мнению Т. Фрая, это обусловлено возрастанием политических рисков, что негативно отражается на деловой активности.

¹⁵ См., например: [Szelenyi & Szelenyi 1995]. В этой работе указанные модели противопоставляются как два различных подхода; однако, на наш взгляд, авторы трактуют процесс трансформации элиты как изменение ее структуры в рамках одного и того же измерения. Поэтому мы объединили работы этого типа в одну группу.

¹⁶ Эмпирические исследования показывают, что циркуляция или воспроизводство элит практически нигде не реализовались в чистом виде. Скорее эти модели можно рассматривать как условные полюса, к которым тяготеют реальные процессы трансформации элиты в конкретных странах Восточной Европы и бывшего СССР.

¹⁷ Опросы проводились в Болгарии, Венгрии, Польше, России, Словакии и Чехии. Результаты этого проекта, касающиеся Венгрии, Польши и России, частично были представлены в 1995 г. в специальном выпуске журнала «Theory and Society». Подробнее см.: [Szelenyi & Szelenyi 1995; Hanley, Yershova & Anderson 1995; Fodor, Wnuk-Lipinsky & Yershova 1995].

старых номенклатурных кадров в ее составе в Венгрии и Польше оказывается еще ниже – 25 и 15% – при сохранении отмеченных выше пропорций для России. Наконец, почти 80% представителей новой российской элиты в 1988 г. были членами правящей коммунистической партии, в то время как в Венгрии этот показатель был ниже 30%, а в Польше чуть выше 20%¹⁸.

Все это давало основание для выводов о реализации в России модели воспроизводства элит и о тенденции к циркуляции элит в Польше и Венгрии. При этом воспроизводство элит рассматривалось как один из факторов торможения реформ в России и других государствах СНГ.

Второй методический подход, представленный работой Дж. Хигли, Я. Пакульского и В. Веселовского [Higley, Pakulski & Weselowsky 1998], предлагает более сложную аналитическую модель. Особенность подхода этих авторов заключается в том, что они рассматривают трансформацию элит в двух плоскостях – в зависимости от степени сплоченности [unity] и степени дифференциации [differentiation] элиты.

Под сплоченностью элиты понимается наличие единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом сплоченность может основываться на некой идеологической, религиозной или национальной доктрине либо на принятии представителями элиты единых согласованных правил игры, в рамках которых возможно ненасильственное разрешение конфликтов между различными элитными группами. Под дифференциацией понимается степень независимости (автономности) элиты от других, более массовых социальных групп, а также степень неоднородности самой элиты, наличие в ее составе элитных подгрупп, предлагающих обществу различные ценностные ориентиры и конкурирующих между собой в процессе выработки политических решений.

В зависимости от сочетания этих двух признаков в конкретных странах могут возникать разные типы элит, классификация которых представлена в табл. 1.

Таблица 1. Конфигурации национальных элит и связанные с ними политические режимы

		Сплоченность элиты	
		Сильная	Слабая
Дифференциация элиты	Широкая	«Консенсусная» элита (стабильная демократия)	«Фрагментированная» элита (нестабильная демократия)
	Узкая	«Идеократическая» элита (тоталитарный режим)	«Разованная» элита (авторитарный режим)

Источник: [Higley, Pakulski & Weselowsky 1998: 5].

В понимании Джона Хигли и его коллег, идеократическая элита в целом характерна для коммунистических, фашистских и националистических режимов. Вместе с тем она никогда не является полностью монолитной, и разнообразные акции оппозиционных интеллектуальных, религиозных и политических групп подтачивают ее единство. Тем не менее, вплоть до 1980-х гг. «идеократическая» конфигурация элиты безусловно преобладала в СССР и странах Восточной Европы.

Ослабление идеологического и политического давления со стороны Москвы после прихода к власти М.С. Горбачева открыли возможности для мобилизации националистической и либерально-демократической оппозиции, что стало одной из причин крушения

¹⁸ См.: [Fodor, Wnuk-Lipinsky & Yershova 1995].

коммунистических режимов в Восточной Европе и последующего распада СССР. Тогда же начался переход от идеократической элиты к другим типам элит.

При этом в зависимости от предыстории и степени реформированности самого коммунистического режима траектория этой эволюции была различной. По мнению Дж. Хигли и его соавторов, в Венгрии, Польше и Чехии существовали предпосылки для формирования «консенсусной» элиты – на основе широкого признания демократических ценностей и стремления вернуться в Европу¹⁹. Движение к фрагментированной элите (с выделением внутриэлитных групп без восприятия ими объединяющих новых ценностей) было характерно для Словакии и Болгарии. Феномен «разорванной» элиты – отсутствие объединяющих ценностей при слабой внутренней дифференциации элиты и ее зависимости от других социальных групп – реализовался в Румынии и на Украине. Наконец, применительно к России, по мнению Дж. Хигли и его коллег, можно говорить о сложной комбинации «разорванной» и «фрагментированной» элиты с некоторыми слабыми предпосылками для формирования «консенсусной» элиты.

В целом подобный многомерный подход многим исследователям представляется весьма интересным²⁰, однако его достаточно трудно верифицировать на количественных данных. Поэтому анализ результатов эмпирических исследований в основном велся в рамках первого подхода, трактующего трансформацию элит в терминах их «воспроизводства» или «циркуляции».

Российская ситуация в рамках данного подхода наиболее подробно была рассмотрена в работах О. Крыштановской²¹. Ее точка зрения сводится к тому, что в России произошел размен власти на собственность, что позволило старой советской элите – которая в данном случае отождествляется с номенклатурой – в значительной мере сохранить свои позиции (см. рис. 3).

В процессе воспроизводства элиты при переходе к рынку, по мнению О. Крыштановской, большую роль сыграл феномен «комсомольской экономики» конца 1980-х гг., включавшей в себя несколько сотен центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ), молодежных жилищных кооперативов (МЖК) и т.д. Именно через «комсомольскую экономику» происходило перераспределение средств государственных предприятий в пользу тех частных лиц, которые затем заметно увеличили полученный капитал в экспортно-импортных и финансовых операциях и в дальнейшем благодаря активному участию в приватизации образовали костяк бизнес-элиты.

Проблему весьма явных возрастных различий между современной российской бизнес-элитой и советской номенклатурой О. Крыштановская снимает, вводя понятие «класса уполномоченных»: «...Номенклатура обменивала власть на собственность, не обязательно лично включаясь в коммерческие авантюры. Для ведения рискованных дел подбирались молодые «уполномоченные», которые и оперировали деньгами государства... Здесь нашли себя люди другого поколения – активные комсомольские функционеры, низшее чиновничество среднего звена» [Крыштановская 2002а: 6].

¹⁹ В Венгрии и Польше эти ценности разделяли также реформистки настроенные представители бывшей правящей партии, что позволило им в ходе парламентских выборов 1993–1994 гг. вновь вернуться к власти.

²⁰ См., например: [Frane & Tomšič 2002: 438–439].

²¹ См.: [Крыштановская 1996; Kryshstanovskaya & White 1996, Kryshstanovskaya 1999, Крыштановская 2002а].

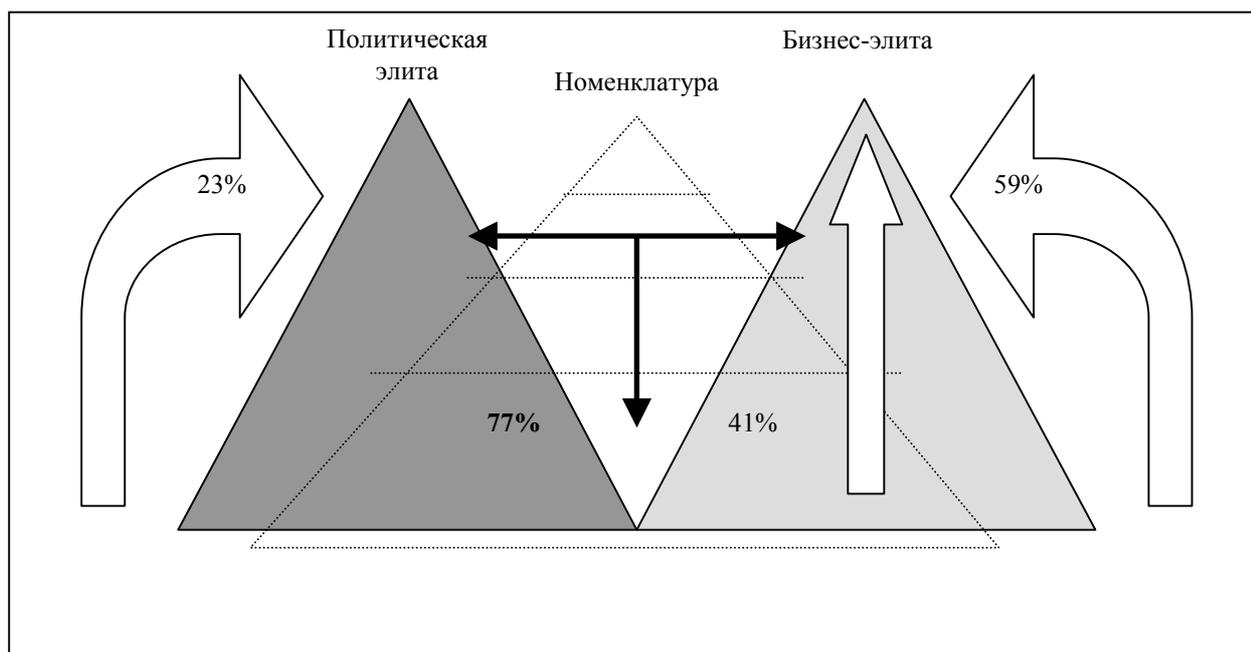

Рис. 3. Происхождение российской политической и бизнес-элиты (по результатам исследования «Трансформация бизнес-элиты России», выполненного сектором изучения элиты Института социологии РАН в 2001 г.).

Источник: [Крыштановская 2002а: 38].

Взращенная номенклатурой торговая и финансовая бизнес-элита отнюдь не сразу получила контроль над крупными предприятиями в реальном секторе экономики. По оценкам О. Крыштановской, лишь к 1996 г. бизнес-элита стала контролировать около половины крупного бизнеса и именно к этому периоду относится формирование российской олигархии.

В целом, в работах О. Крыштановской подчеркивается преемственность между старой советской и новой российской элитой, а также переплетение и тесное взаимодействие в пореформенный период между бизнес-элитой и политической элитой.

Тезис о преимущественном воспроизводстве элиты в России в 1990-е гг., активно поддерживаемый О. Крыштановской, разделяется многими другими авторами [см.: Ершова 1994; Shevtsova 1995; Schröder 1999]. Вместе с тем, часть исследователей спорят с этой позицией.

Так, согласно данным Д. Лэйна и К. Росса²², применительно к российской политической элите скорее можно говорить о ее происхождении из советской интеллигенции, нежели о ее номенклатурном прошлом. Утверждая это, Лэйн и Росс основываются на весьма подробном анализе биографий 470 представителей высшей политической элиты России по состоянию на январь 1995 г.²³ Приводимые ими данные свидетельствуют о том, что доля представителей

²² См.: [Lane & Ross 1998].

²³ Д. Лэйн и К. Росс выделяли три элитные подгруппы – парламентская, правительственная и региональная элита. К парламентской элите были отнесены высшие руководители Государственной Думы и Совета Федерации, а также руководители комитетов обеих палат и их заместители. К правительственной элите были отнесены федеральные министры и их заместители. К региональной элите были отнесены главы администраций субъектов федерации, председатели законодательных собраний, а также представители президента РФ в соответствующих регионах. В качестве критического комментария можно отметить отсутствие в выборке высших чиновников из президентской

партийного аппарата, занимавших значимые статусные позиции в советское время, была достаточно заметной (52%) только в рамках региональной элиты. Среди представителей российской правительственной элиты в 1995 г. многие (60%) имели опыт работы в советских министерствах и ведомствах, но, как правило, в должностях не выше начальников управлений. И наконец, в рамках парламентской элиты опыт работы в партийном либо в правительственном аппарате имели лишь, соответственно, 19 и 22%. Следует отметить, что эти группы частично пересекаются между собой и примерно 2/3 представителей парламентской элиты никак не были связаны с органами власти и управления в советское время.

Основываясь на приведенных данных, Д. Лэйн и К. Росс утверждают, что уже в начале 1990-х гг. имело место значительное обновление российской политической элиты и едва ли корректно говорить о ее «воспроизводстве» из элиты советского периода. Расхождение полученных ими результатов с результатами других исследований эти авторы объясняют тем, что понятия «элиты» и «номенклатуры» для СССР были отнюдь не тождественны. Занятие низших номенклатурных должностей не давало существенных рычагов влияния и не означало принадлежности к элите. При этом уже в 1970-1980-е гг. сама номенклатура не являлась единым и сплоченным «политическим классом». Советскую систему на поздних стадиях ее развития скорее можно рассматривать как сеть бюрократических элит, каждая из которых обладала относительной автономией и преследовала собственные интересы²⁴.

При этом наряду с номенклатурно-бюрократическими элитами существовала такая социальная группа, как интеллигенция. Интеллигенция могла частично пересекаться с номенклатурой (когда деятели науки и культуры входили в состав партийных комитетов разных уровней, а назначения директоров академических институтов согласовывались в аппарате ЦК КПСС). Тем не менее в целом интеллигенция отличалась более высоким уровнем образования, большей свободой взглядов и в известной степени конкурировала с номенклатурными элитами – хотя и не представляла собой контр-элиты. В этой связи Д. Лэйн и К. Росс обозначают интеллигенцию как «восходящий» [ascendant] класс, близкий к категории «профессионалов» в западных демократиях, и утверждают, что представители именно этой социальной группы пришли к власти в ключевых секторах российской политической системы в результате преобразований начала 1990-х гг.

Таким образом, Д. Лэйн и К. Росс оспаривают тезис о «воспроизводстве» российской политической элиты. Вместе с тем, они отмечают ее существенную неоднородность и, в частности, качественные различия между парламентской и правительственной элитой, с одной стороны, и региональной элитой, – с другой. Эти различия выражаются не только в большем числе бывших партийных функционеров на региональном уровне, но и, например, в качестве образования. Так, среди «регионалов» преобладают выпускники местных сельско-

администрации, которая играет важную роль в политическом процессе. Кроме того, охват региональной и правительственной элит был явно неполным. В первом случае в выборке Д. Лэйна и К. Росса присутствует 195 человек – вместо, по крайней мере, 267 (из расчета 3 представителей на каждый из 89 субъектов РФ). Во втором случае выборка еще менее репрезентативна, так как в крупных федеральных министерствах (Министерстве экономики, Министерстве финансов, Министерстве образования, Министерстве внутренних дел, Министерстве обороны и т.д.) насчитывается от 10 и более заместителей министров. Кроме того, существовал и существует весьма большой аппарат правительства, начальники департаментов которого соответствуют по уровню и по влиянию первым заместителям федерального министра. В выборке же Д. Лэйна и К. Росса всю правительственную элиту представляют лишь 108 человек.

²⁴ См.: [Lane & Ross 1994: 20]. Схожие взгляды на советскую систему развиваются также в рамках концепции «административного рынка» [см.: Кордонский 2000].

хозяйственных и политехнических институтов, а также партшкол. Напротив, представители парламентской и управленческой элиты, по крайней мере, одно из образований получили в московских и ленинградских вузах.

В целом, по мнению Д. Лэйна и К. Росса, можно говорить о космополитичности и большей рыночной ориентированности федеральной элиты – в противовес более традиционным для советского периода параметрам и ценностным установкам региональных элит. При этом одновременно федеральная элита оказывается существенно более разнородной и раздробленной.

1.3. Тенденции пост-кризисного развития

Кризис 1998 г. показал внутреннюю неустойчивость системы отношений, сложившихся при Б.Н. Ельцине, – с характерным для нее наличием многих центров принятия решений и острой конкуренцией финансовых и политических группировок за ресурсы и рычаги влияния. В этих условиях с учетом слабого физического состояния Б.Н. Ельцина и предстоявших в 2000 г. очередных президентских выборов одной из насущных задач для российской правящей элиты было обеспечение *преемственности власти*.

Эта задача была реализована уже к началу 2000 г., когда за четыре месяца новый премьер-министр, а затем и.о. президента В.В. Путин из человека, едва известного специалистам, был превращен в политического деятеля с поддержкой 40% избирателей. Одновременно благодаря успеху на парламентских выборах партии «Единство» и Союза правых сил впервые за весь пореформенный период был сформирован парламент, в целом подконтрольный президентской администрации и правительству.

Явление народу нового президента, практически не имевшего своего лица, но получившего феноменальную массовую поддержку, а также создание и внедрение в парламент новой «партии власти» без какой-либо программы рассматривалось политологами как наглядная демонстрация незрелости гражданского общества и широких возможностей манипулирования общественным сознанием в современной России²⁵.

Вместе с тем, появление популярного президента и преодоление хронической конфронтации с парламентом создало предпосылки для существенного изменения взаимоотношений между различными группами в рамках российской элиты. В этой связи в качестве ключевых тенденций посткризисного периода можно выделить следующие.

А. Перераспределение сил между федеральным центром и регионами

Одной из характерных черт 1990-х гг. были сильные «центробежные» тенденции, унаследованные от периода распада СССР и выразившиеся в относительном экономическом и политическом обособлении регионов. Объективными предпосылками этого были неспособность федерального центра обеспечивать сбор налогов, выполнять собственные финансовые обязательства и пресекать эмиссионную активность региональных властей²⁶. Фрагментация экономического пространства усиливалась за счет интенсивного разрушения старых хозяйственных связей и резкого роста транспортных тарифов.

²⁵ См.: [Schroeder 2003 и др. работы].

²⁶ Подобную «феодализацию» экономических и политических взаимоотношений между центром и регионами Дэвид Вудраф рассматривал в качестве одной из ключевых причин появления и распространения «денежных суррогатов» [см.: Woodruff 1999].

В политическом отношении позиции федерального центра были существенно ослаблены результатами парламентских выборов 1993 г.²⁷ В дальнейшем вес и влияние губернаторов возрастали по мере падения популярности президента и федерального правительства. В результате поддержка Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. со стороны глав местных администраций фактически была обеспечена в обмен на предоставление им сверхширокой самостоятельности.

После кризиса 1998 г. и особенно после прихода к власти В.В. Путина началось своего рода обратное движение. А. Зудин [2003] в целом характеризует эту тенденцию как переход от «полицентрической» к «моноцентрической» модели политического режима. Новым президентом, опиравшимся в отличие от своего предшественника на массовую поддержку избирателей, была декларирована политика «укрепления властной вертикали». Ее результатами стали заметное ограничение свободы губернаторов, выразившееся в изменении в пользу федерального центра пропорций распределения налоговых поступлений, а также создание федеральных округов во главе с полномочными представителями президента и реформа Совета Федерации²⁸. Из нормативных актов субъектов федерации под давлением прокуратуры РФ стали изыматься положения, противоречащие федеральному законодательству. Начался пересмотр условий и постепенный отказ от двухсторонних «сепаратных» договоров между центральным правительством и субъектами федерации.

Попытки губернаторов противостоять этой тенденции к централизации (в том числе через блок «Отечество – Вся Россия») не имели особого успеха. В целом, суммируя экспертные оценки итогов 2000–2002 гг., можно говорить о внешнем укреплении позиций федерального центра во взаимоотношениях с региональными властями²⁹.

Б. Относительное уменьшение прямого влияния бизнеса на политику

Начиная с середины 1990-х гг. в литературе традиционно большое внимание уделялось процессам формирования бизнес-элиты и анализу ее влияния на выработку политических решений³⁰. Это внимание обусловлено той ролью, которую крупный бизнес сыграл в переизбрании Б.Н. Ельцина на второй президентский срок в 1996 г., а также последующими действиями российских олигархов на политической арене. В посткризисный период, однако, роль крупного бизнеса в политике и общественной жизни существенно изменилась.

Одной из объективных причин этих сдвигов стало ослабление позиций большинства банковских олигархических групп в результате девальвации и дефолта в августе 1998 г. Часть из них вообще исчезли со сцены («Инкомбанк», «СБС-Агро»), другие смогли восстановить свои позиции в бизнесе благодаря наличию промышленных активов и их выводу на аффилированные структуры, но это произошло с заметным временным лагом.

²⁷ Подробный обзор исследований, посвященных российским выборам начала – середины 1990-х гг. см. в работе: [Гельман 2000].

²⁸ Если до 2000 г. в состав Совета Федерации входили сами губернаторы и главы региональных законодательных собраний (что давало региональным политикам возможность лично влиять на политические решения на федеральном уровне), то по новой схеме в Совете Федерации вместо первых лиц субъекта Федерации заседают представитель губернатора и представитель законодательного собрания.

²⁹ На наш взгляд, вопрос заключается в том, насколько федеральный центр в состоянии реально контролировать деятельность губернаторов, заявивших о своей лояльности нынешнему президенту.

³⁰ См.: [Крыштановская 1996; Schroeder 1999; Паппэ 2000; Pleines 2003a] и др.

Одновременно экономический рост, начавшийся вследствие резкой девальвации рубля, и последовавшее за ним расширение налоговой базы бюджета создали дополнительные предпосылки для дистанцирования власти от бизнеса. При этом предпринятые Б. Березовским и В. Гусинским попытки давления на власть через подконтрольные им СМИ с целью возвращения к прежней модели взаимоотношений были достаточно жестко подавлены.

Таким образом, если в середине 1990-х гг. при Б.Н. Ельцине крупный бизнес до известных пределов мог диктовать власти свои условия, то при В.В. Путине, декларировавшем принцип «равноудаленности» олигархов, бизнес в целом, как пишет О. Крыштановская, был поставлен перед выбором: либо поддержка власти, либо уход со сцены³¹. Тем не менее, крупный бизнес сохранил определенные рычаги влияния на политические решения – прежде всего, благодаря присутствию людей из бизнеса в государственном аппарате и в законодательных органах власти³². Это рычаги, однако, теперь используются не столько для прямого лоббирования интересов отдельных компаний, сколько для влияния на формирование общих правил игры. Этим же целям продвижения коллективных интересов бизнеса служат сформированные в 2000–2001 гг. при активной поддержке власти крупные предпринимательские объединения – «обновленный» РСПП, возглавляемый ведущими олигархами, «Деловая Россия», Торгово-промышленная палата под руководством Е. Примакова и т.д.

В. Сдвиги внутри федеральной элиты

Изменения во взаимоотношениях между центром и регионами, а также между бизнесом и властью привели к определенным сдвигам в составе российской элиты. Как показано в работе Х. Шредера на основе анализа рейтингов наиболее влиятельных политиков, регулярно публикуемых «Независимой газетой»³³, в послекризисный период в целом расширилось число и поднялись позиции в рейтинге представителей президентской администрации и федерального правительства, наблюдалось уменьшение влияния представителей регионов, парламента и политических партий, а бизнес после некоторых колебаний в целом смог сохранить и с 2001 г. даже упрочить свои позиции.

По мнению А. Зудина, в результате политики В.В. Путина на федеральном уровне заметно ослабло влияние региональных лидеров, «олигархов» и московской элиты. Также существенно менее значимой стала роль СМИ и судейского корпуса, которые в середине 1990-х гг. выступали в качестве своего рода посредников в конфликтах между другими элитными группами. К категории же выигравших А. Зудин относит лишь «силовиков» и «питерцев», которые в 1990-е гг. занимали периферийные позиции³⁴.

О. Крыштановская также подчеркивает усиление роли спецслужб и армии и выдвижение в рамках новых кадровых назначений В.В. Путина людей, с которыми он был связан в период работы в Петербурге. По ее данным (см. табл. 2) каждый четвертый представитель

³¹ См.: [Крыштановская 2002а: 58].

³² В качестве примеров здесь можно привести ряд регионов, где власть непосредственно контролируется представителями крупного бизнеса (Р. Абрамович в Чукотском автономном округе, А. Хлопонин в Красноярском крае и т.д.), администрацию президента, где работает целый ряд представителей группы «Альфа», а также Государственную Думу и обновленный Совет Федерации, в состав которых вошло много предпринимателей.

³³ См.: [Schroeder 2003: 189–190].

³⁴ См.: [Зудин 2003: 71–73].

путинской элиты является выходцем из военной среды. При этом особенно высокая доля представителей армии, ФСБ, МВД и других силовых структур характерна для аппаратов полномочных представителей президента в федеральных округах. Так, среди главных федеральных инспекторов «люди в погонах» в 2000–2002 гг. составляли 35%³⁵. Среди прочих структурных сдвигов можно отметить заметное снижение удельного веса обладателей ученых степеней, выпускников элитных московских вузов, а также повышение доли «ставленников бизнеса».

Таблица 2. Изменения характеристик элиты в первые два года правления Ельцина и Путина, %

Характеристики элиты*	Ельцинская элита (1993 г.)	Путинская элита (2002 г.)
Средний возраст, годы	51,3	51,5
Женщины	2,9	1,7
Выходцы из сельской местности	23,1	31,0
Лица с высшим образованием	99,0	100,0
Лица, имеющие ученую степень	52,5	20,9
Лица с военным образованием	6,7	26,6
Лица с экономическим и юридическим образованием	24,5	25,7
Лица с образованием в элитных вузах**	35,4	23,4
Земляки главы государства	13,2	21,3
Ставленники бизнеса	1,6	11,3
Военные	11,2	25,1

Таблица основана на данных исследований российской элиты, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН с 1989 г. *Источник:* [Крыштановская 2002б:161].

* К элите отнесены члены Совета безопасности РФ, депутаты обеих палат Федерального собрания РФ, члены правительства РФ, главы субъектов федерации.

** К категории элитных вузов отнесены МГУ, МГИМО, Институт иностранных языков, ВПШ, ВКШ, АНХ при СМ СССР, АОН при ЦК КПСС, МФИ, Академия внешней торговли, Дипломатическая академия.

По мнению О. Крыштановской, ставка В. Путина на «силовиков» обусловлена тем, что в период правления Б. Ельцина произошло резкое ослабление властных институтов, политическая система утратила стабильность, были нарушены традиционные связи между социальными субъектами, их роли стали неопределенными. Меньше других при этом пострадали бюрократическая и военная иерархии. Однако бюрократия отличалась высокой степенью коррумпированности, и В. Путину проще было начать укрепление власти с восстановления сети силовых структур, которые послужили бы опорой его личной власти и основой усиления контрольных и репрессивных функций государства³⁶. Наблюдаемые изменения О. Крыштановская в целом характеризует как становление режима «либеральной милитократии», который демонстрирует тенденцию к восстановлению иерархических структур и институтов, свойственных для советского периода.

Опираясь на анализ взаимодействия между бизнесом и властью в новых условиях, ряд авторов³⁷ также говорит о тенденции к формированию государственно-корпоративного

³⁵ См.: [Крыштановская 2002б:163].

³⁶ См.: [Крыштановская 2002б: 174].

³⁷ См.: [Зудин 2001, Перегудов 2003] и др.

капитализма. В его рамках модель «приватизации власти» в интересах бизнеса, характерная для 1990-х гг., сменяется режимом регулярных формальных и неформальных согласований интересов между государственными структурами и крупнейшими корпорациями, объединенными в различные союзы и ассоциации. Причем некоторые исследователи, прогнозирувавшие подобную тенденцию уже несколько лет назад, рассматривают ее скорее как позитивную и, в любом случае, как более адекватную для российского «институционального ландшафта» в сравнении с либеральными экспериментами 1990-х гг.³⁸

Вместе с тем, по мнению других экспертов³⁹, несмотря на существенное укрепление позиций государственных акторов (прежде всего, на федеральном уровне) складывающаяся конструкция отличается известной шаткостью. Федеральная власть реально опирается на силовую элиту, на бизнес и на поддержку населения – одновременно сталкиваясь с все большим противодействием бюрократического аппарата как в центре, так и в регионах. При этом сохранение поддержки со стороны «силовиков» требует расширения финансирования армии, МВД, ФСБ. Интересы же крупного бизнеса остаются весьма неоднородными⁴⁰, а его отдельные представители периодически начинают проявлять собственные политические амбиции (чаще всего в последние месяцы в этом контексте упоминается М. Ходорковский).

В этих условиях ключевым ресурсом, обеспечивающим контроль над ситуацией, для В. Путина остается *широкая поддержка избирателей*. Эта мысль весьма четко сформулирована в одной из последних работ А. Зудина: «Исходной составляющей нового политического режима стал *необычно высокий рейтинг Путина*, появившийся в начале второй чеченской войны осенью 1999 г. С этого времени возникает устойчивая связь между Кремлем и обществом... Если в основе [ельцинской] полицентрической системы был союз Кремля с элитами, то фундаментом [путинского] моноцентризма стал *негласный «социальный контракт» с обществом в обход элит*»⁴¹.

Однако с учетом сохраняющихся нерешенных социальных проблем и постепенно возрастающего в народных массах скепсиса в отношении конкретных шагов и реформ, инициированных В.В. Путиным, широкая поддержка избирателей может быть обеспечена лишь при условии неуклонного повышения уровня жизни. А следовательно, как отмечает Х. Шредер, ключевой предпосылкой успеха политики В.В. Путина является постоянное улучшение экономического положения страны⁴². Именно поэтому президент и его администрация столь болезненно реагировали на замедление темпов роста в конце 2001 г. и взвешенно-осторожный среднесрочный прогноз правительства, обнародованный весной 2002 г. И именно с этим связана задача удвоения ВВП в десятилетний срок, декларированная В.В. Путиным в мае 2003 г. Однако, как мы уже отмечали во введении, по-прежнему остается неясным, как, на основе каких механизмов эта задача может быть реализована и какие влиятельные социальные группы могут на практике способствовать этому.

Окончание в след. номере

³⁸ См., например: [Лэйн 2000].

³⁹ См.: [Schroeder 2003].

⁴⁰ Весьма показательны в этом отношении дискуссии по вопросу о присоединении России к ВТО, о банковской реформе, о валютном регулировании и т.д.

⁴¹ См.: [Зудин 2003: 70].

⁴² См.: [Schroeder 2003: 175].

Литература

- Афанасьев Ю.Н.* (ред.) *Иного не дано*. М.: Прогресс, 1988.
- Афонцев С.А.* (а) *Рыночные реформы и демократический процесс // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия*. М.: МОНФ, 2000. С. 37–68.
- Афонцев С.А.* (б) *Нормативная экономическая теория и политическая экономия трансформации: оценка альтернативных подходов. Доклад на международной конференции «Посткоммунистическая Россия в контексте мирового социально-экономического развития»*. Москва. 2000. 1–2 декабря.
- Гельбрас В., Кузнецова В.* *Китайский сценарий для России // Россия между вчера и завтра. Книга первая. Экспертные разработки / Под ред. В. Преображенского, Д. Драгунского*. М., 2003. С. 213–233.
- Гельман В.Я.* *Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Выборы и партии в регионах России. Сборник учебных материалов по курсу «Политическая регионалистика» / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой, С. Рыженкова*. М., СПб.: ИГПИ, Летний сад, 2000. С. 12–43.
- Ершова Н.С.* *Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома, в кн.: Куда идет Россия? / Под ред. Т.И. Заславской, Л.А. Аратюнян*. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155.
- Заславская Т.И.* *О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева*. М.: Прогресс, 1988. С.9–50.
- Зудин А.* *Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) // Pro et Contra*. 2001. Т. 6. № 4. С.171–198.
- Зудин Ю.А.* *Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность*. 2003. №2. С. 67–83.
- Капелюшников Р.И.* *Где начало того конца?.. // Вопросы экономики*. 2001. № 1.
- Карев М.* *Спрос и предложение в сфере арбитражного производства // Развитие спроса на правовое регулирование корпоративного управления в частном секторе*. М.: МОНФ, 2003. С. 340–358.
- Кордонский С.* *Рынки власти: административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ, 2000.
- Корнаи Я.* *Дефицит*. М.: Наука, 1990.
- Крыштановская О.В.* *Финансовая олигархия в России // Известия*. 1996. 10 января. С. 5.
- Крыштановская О.В.* (а) *Бизнес-элиты и олигархи: итоги десятилетия // Мир России*. 2002. Т. XI. № 4. С. 3–60.
- Крыштановская О.В.* (б) *Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 4. С. 158–180.
- Кузнецов Е.* [Пробудиться, догнать и устремиться вперед: Механизмы запуска инновационного роста России. Препринт WP5/2002/07](#). М.: ГУ–ВШЭ, 2002.
- Лэйн Д.* *Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России*. 2000. Т. IX. № 1. С. 3–22.
- Марголина С.* *Конец прекрасной эпохи. О немецком опыте осмысления национал-социалистической истории и его пределах. // Неприкосновенный запас*. 2002. № 2 (22). С. 36–44.

- Мигранян А. Механизмы торможения в политической системе и пути его преодоления // Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 97–121.
- Нольте Х.-Х., Полян П. Гитлер и Сталин: с кем же жить лучше, с кем веселей? // Неприкосновенный запас. 2003. № 2 (28). С. 105–111.
- Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995.
- Паппэ Я.Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.
- Паппэ Я.Ш. (а) Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 29–46.
- Паппэ Я.Ш. (б) Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 83–97.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 176–197.
- Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. Препринт № 98/004. М.: РЭШ, 1998.
- Пономарев А.К., Гончар К.Р. [Альянсы бизнеса и государства в инновационных проектах. Препринт WP5/2002/06. М.: ГУ–ВШЭ, 2002.](#)
- Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.
- Россия: формирование институтов новой экономики / Кузьминов Я.И., Яковлев А.А., Гохберг Л.М. и др. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
- Федоровский А. Институциональные преобразования в Китае: предпосылки, особенности, перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 4. С. 77–86.
- Штольтинг Э. Немецкая идентичность – прошлое и настоящее. Беседа А.Г. Здравомыслова с профессором Э.Штольтингом, Берлин, 2000. <http://www.riisnp.ru/contents.htm>
- Яковлев А.А. О причинах бартера, неплатежей и уклонения от уплаты налогов в российской экономике // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 102–115.
- Яковлев А.А. Структурные ограничения либеральных реформ в российской экономике // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 1. С. 41–56.
- Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.
- Ясин Е.Г. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // Вопросы экономики. 2002. № 11. С. 4–30.
- Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С.4–36.
- Aslund, Anders. Reform vs. 'Rent-Seeking' in Russia's Economic Transformation, *Transition* (1996). Vol. 2. P. 12–17.
- Ericson, Richard E. & Barry W. Ickes. A Model of Russia's Virtual Economy. *BOFIT Discussion Papers*. 2000. No. 10.
- Fodor, Eva, Edmund Wnuk-Lipinsky & Natasha Yershova. The New Political and Cultural Elite, *Theory and Society* (1995). Vol. 24. No. 5. P. 783–800.

- Frane, Adam & Matevž Tomšič. Elite (Re)configuration and Politico-economic Performance in Post-socialist Countries, *Europe-Asia Studies* (2002). Vol. 54. No. 3. P. 435–454.
- Frei, Norbert. *Vergangenheitspolitik. Die Anfaenge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. Muenchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999.
- Frei, Norbert (ed.) *Karrieren im Zwielficht. Hitlers Eliten nach 1945*. Frankfurt, N.Y.: Campus Verlag, 2002.
- Frye, Timothy (a). The Perils of Polarization. Economic Performance in the Postcommunist World, *World Politics* (April 2002). Vol. 54. P. 308–337.
- Frye, Timothy (b). Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia, *Europe-Asia Studies* (November 2002). Vol. 54. No. 7. P. 1017–1036.
- Gaddy, Clifford & Barry W. Ickes. Russia's Virtual Economy, *Foreign Affairs* (September – October 1998). P. 53–67.
- Goldthorpe, John. The Service Class Revisited, in: Butler, T., and M. Savage (eds.) *Social Change and the Middle Classes*. L.: UCL Press, 1995. P. 313–329.
- Hanley, Eric, Hatasha Yershova & Richard Anderson. Russia – New Wine in Old Bottle? The Circulation and reproduction of Russian Elites 1983-1993, *Theory and Society* (1995). Vol. 24. No. 5. P. 639–668.
- Hellman, Joel S. Winners take all: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions, *World Politics* (January 1998). Vol. 50. P. 203–234.
- Hellman, Joel S., Geraint Jones & Daniel Kaufman. Seize the State, Seize the Day: an empirical analysis of State Capture an Corruption in Transition. Paper prepared for the ABCDE 2000 Conference, Washington, D.C. April 18–20, 2000.
- Hellman, Joel S., Geraint Jones, Daniel Kaufman & Mark Schankerman, Measuring Governance, Corruption, and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economies, *World Bank Policy Research Paper 2312*. April 2000.
- Higley, John, Jan Pakulski & Wlodzimierz Weselowski. Introduction: Elite Change and Democratic Regimes in Eastern Europe, in: Higley, John, Jan Pakulski & Wlodzimierz Weselowski (eds.) *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. L., N.Y.: Macmillan Press Ltd, 1998. P. 1–33.
- Hoffmann-Lange, Ursula. Elite Transformation and Democratic Consolidation in Germany after 1945 and 1989, in: Higley, John, Jan Pakulski & Wlodzimierz Weselowski (eds.) *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. L., N.Y.: Macmillan Press Ltd, 1998. P. 141–162.
- Kaplinsky, Raphael. Spreading the gains from globalization: what can be learned from value chain analysis?, *IDS working paper No. 110*. 2000.
- Kolodko, Grzegorz W. *From shock to therapy: the political economy of post-socialist transformation*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Kryshtanovskaya, Olga & Sthephen White, From Soviet Nomenklatura to Russian Elite, *Europe-Asia Studies* (1996). Vol. 48. No. 5. P. 11–33.
- Kryshtanovskaya, Olga. Die Transformation der alten Nomenklatur-Kader in die neue russische Elite, in: Steiner, Helmut & Wladimir A. Jadow (eds.) *Russland – wohin?* Berlin: Trafo Verlag, 1999.

- Lane, David. Elite Cohesion and Division, in: Higley, John, Jan Pakulski & Wlodzimierz Weselowski (eds.) *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. L., N.Y.: Macmillan Press Ltd, 1998. P. 67–96.
- Lane, David & Cameron Ross, Limitation of Party Control: The Government Bureaucracy in the USSR, *Communist and Post-Communist Studies* (1994). Vol. 27. No. 1. P. 19–38.
- Lane, David & Cameron Ross. The Russian Political Elites: Recruitment and Renewal, in: Higley, John, Jan Pakulski & Wlodzimierz Weselowski (eds.) *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*. L., N.Y.: Macmillan Press Ltd, 1998. P. 34–66.
- Locke, Richard M. Building Trust. Paper presented at the Annual Meetings of the American Political Science Association, Hilton Towers, San Francisco, California, September 1, 2001.
- Nelson, Joan. Introduction: The Politics of Economic Adjustment in Developing Countries, in: Nelson, Joan (ed.) *Economic Crisis and Policy Choice: The Politics of Adjustment in the Third World*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Pistor, Katharina. Supply and Demand for Law in Russia: A Comment on Hendley, *East European Constitutional Review* (1999). Vol. 8. No. 4. P. 105–108.
- Pleines, Heiko (a) Wirtschaftseliten und Politik im Russland der Jelzin-Ära (1994–99). Osteuropa: Geschichte, Wirtschaft, Politik. Band 33. LIT Verlag: Münster-Hamburg-London, 2003.
- Pleines, Heiko (b) Social partners and captors: The political role of economic actors in Eastern Europe (Czech Republic, Poland, Russia). Paper presented at the conference ‘Overcoming state weakness’. May 17–19, 2003.
- Schroeder, Hans-Henning. El'tsin and the Oligarchs: The Role of Financial Groups in Russian Politics Between 1993 and July 1998, *Europe-Asia Studies* (1999). Vol. 48. No. 6. P. 957–988.
- Schröder, Hans-Henning. Auf dem Weg zu einer neuen Ordnung? Der wirtschaftliche, soziale und politische Wandel in Russland von 1992 bis 2002, in: Hillenbrand, Olaf, and Iris Kempe (eds.) *Der schwerfällige Riese. Wie Russland den Wandel gestalten soll*. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2003. P. 25–200.
- Shevtsova, Lilia. Russia's Post-Communist Politics: Revolution or Continuity?, in: Lapidus, G. (ed.) *The New Russia: Troubled Transformation*. Boulder, CO: Westview Press, 1995. P. 5–36.
- Szelenyi, Ivan & Szonja Szelenyi, Circulation or Reproduction of Elites During the Post-Communist Transformation of Eastern Europe: Introduction, *Theory and Society* (1995). Vol. 24. No. 5. P. 615–638.
- Williamson, John. In Search of a Manual for Technopols, in: Williamson, John (ed.) *The Political Economy of Policy Reform*. Washington D.C.: Institute for International Economics, 1994.
- Woodruff, David M. *Money Unmade. Barter and the Fate of Russian Capitalism*. Ithaca and London, Cornell University Press, 1999.
- Woodruff, David M. *Property Rights in Context: Privatization's Legacy for Corporate Legality in Poland and Russia*. MIT, mimeo.
- Yakovlev, Andrei. Commodity Exchanges and the Russian Government, *RFE/RL Research Report* (1993). No. 45. P. 24–28.